

Махлаюк А.В.

Интеллектуальные качества полководца в римской идеологии военного лидерства

[Stable URL: <http://elar.uniyar.ac.ru/jspui/handle/123456789/2296>]

[Публикация работы:]

Махлаюк А.В. 2007: Интеллектуальные качества полководца в римской идеологии военного лидерства // Из истории античного общества. Сб. науч. тр. к 60-летию проф. Е.А. Молева. Вып. 9–10, 298–311.

НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ
ЦЕНТР АНТИКОВЕДЕНИЯ
ЯРОСЛАВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМ. П.Г. ДЕМИДОВА
ЯРОСЛАВЛЬ, РОССИЯ

THE SCIENTIFIC & EDUCATIONAL
CENTRE FOR CLASSICAL STUDIES
AT YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY
YAROSLAVL, RUSSIA

DAS WISSENSCHAFTLICHEN FORSCHUNGS- UND
STUDIENZENTRUM FÜR DIE GESCHICHTE,
KULTUR UND RECHT DER ANTIKE
DER STAATLICHEN DEMIDOW-UNIVERSITÄT JAROSLAWL
YAROSLAWL, RUSSLAND

РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ АНТИКОВЕДОВ
RUSSIAN SOCIETY OF CLASSICAL STUDIES

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ФОНД
«ЦЕНТР ИЗУЧЕНИЯ РИМСКОГО ПРАВА»
ЯРОСЛАВСКИЙ ФИЛИАЛ
THE RESEARCH AND EDUCATIONAL FOUNDATION
“THE CENTRE FOR ROMAN LAW STUDIES”
YAROSLAVL BRANCH

ЯРОСЛАВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. П.Г. ДЕМИДОВА
YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ КАЧЕСТВА ПОЛКОВОДЦА В РИМСКОЙ ИДЕОЛОГИИ ВОЕННОГО ЛИДЕРСТВА

В начальных главах «De Catilinae coniuratione» Саллюстий отмечает: «Люди издавна ведут яростный спор о том, чему больше обязано своими успехами военное дело (*res militaris*): физической ли силе, или доблести духа (*vine corporis an virtute animi*)? Ибо, прежде чем начинать, надо подумать, а подумав – действовать быстро. Так и то и другое, недостаточное само по себе, нуждается во взаимной помощи. И вот вначале цари... следуя своим противоположным склонностям, развивали одни – природный ум (*ingenium*), другие – тело (*corpus*)... Но когда в Азии Кир, в Греции лакедемоняне и афиняне начали захватывать города и покорять народы, когда поводом к войне стала жажда господства, когда величайшую славу усматривали в величайшей власти. только тогда люди на основании собственного опыта и деятельности поняли, что на войне важнее всего ум» (*in bello plurimum ingenium posse*) (Sall. Cat. I. 5–2. 2. Пер. В. О. Горенштейна).

Из общего контекста процитированного отрывка понятно, что речь идет об уме (шире – интеллектуальных достоинствах) носителей высшей, прежде всего военной, власти, и этому уму, рассматриваемому с точки зрения основополагающей дихотомии духовных и телесных начал¹, отводится самое первостепенное значение: помимо прочего, он

¹ В общефилософском плане первенство духовного начала над телесным подчеркивается во многих текстах, как греческих, так и римских. Е. г., ср. *Lucr. De rer. nat.* III. 139: *et dominari in corpore toto / Consilium quod nos animum mentemque vocamus* («...Но составляет главу и над целым господствует телом / Разум, который у нас зовется умом или духом». Пер. Ф. А. Петровского).

трактуются и как ключевой фактор, знаменующий важнейший перелом в историческом развитии от примитивной стадии к этапу глобальных военно-политических свершений. Примечательно, что превозносимый римским историком «ум» (*ingenium*), по сути дела, отождествляется с «доблестью духа» (*virtus animi*) и рассматривается по преимуществу в моральном регистре (что не удивительно, учитывая общий моралистический характер исторических взглядов Саллюстия). Как представляется, в этих известных пассажах Саллюстия получила отражение весьма значимая идеологическая установка, характерная для римского понимания военной деятельности и заслуживающая самого пристального исследования с привлечением широкого круга текстов.

Чтобы дать конкретную и разностороннюю характеристику данной установки, попытаемся, обратившись главным образом к латиноязычным текстам, ответить на следующие вопросы. Какое содержание вкладывали сами древние в понятие «ум полководца»? Можно ли вообще в текстах античных авторов выделить некое специфически военное наполнение этого понятия, подобно тому как это делают современные исследователи²? Какими терминами описывались соответствующие интеллектуальные качества римских военачальников? Образуют ли они устойчивую, когерентную систему, или же использование соответствующих понятий и оценочных суждений определяется преимущественно индивидуальными позициями и воззрениями отдельных авторов? Как коррелируют они с другими категориями, характеризующими существовавший в Риме идеал полководца, а также с комплексом тех морально-философских и морально-политических представлений, которыми определялись идеология и ментальность римской элиты в целом?

Прежде всего отметим, что интеллекту (в широком смысле) военного лидера во многих высказываниях римских авторов придается – вполне в русле приведенных выше суждений Саллюстия – действительно первостепенное значение. Благоразумие, рассудительность (*consilium*, *ratio*) полководца признается фактором по меньшей мере равнозначным, а иногда и более весомым, чем доблесть воинов и/или удача. По словам Тита Ливия (III. 62. 2), одна из побед римлян «была достигнута благоразумием (*consilio*) консула и доблестью войска». В другом месте своего труда Ливий в качестве общераспространенного мнения высказывает мысль о том, что на войне все решают численность и доблесть войск, *умственные способности полководцев* (*ingenia*

² См., например: *Теплов Б. М. Ум полководца. М., 1990.*

imperatorum), но в первую очередь фортуна (IX. 17. 3). В *Corpus Caesaris* также можно обнаружить ряд высказываний, подчеркивающих решающую роль ума полководца в достижении военного успеха (ср., например, B. G. I. 40. 8: Ариовист *magis ratione et consilio quam virtute vicisse*³; Idem. B. civ. I. 72. 2: *non minus esset imperatoris consilio superare quam gladio* («полководцу надлежит побеждать скорее умом, нежели мечом»); B. Afr. 10. 4: воины Цезаря надеялись, что его знания и ум помогут преодолеть все трудности – *in eius scientia et consilio omnia sibi proclivia omnes fore*).

Рассудительность и интеллект, требуемые от полководца, нередко прямо противопоставляются доблести воинов. В «Истории» Тацита (I. 84. 3) Отон в речи, обращенной к преторианцам, заявляет, что оружие и мужество (*animus*) принадлежат воинам, а ему как командующему – *consilium* и руководство их доблестью (*regimen vestrae virtutis*). Аналогичная позиция заявлена и в речи к войску другого тацитовского персонажа – Антония Прима, который подчеркивает разделение обязанностей солдат и полководца: воинам приличествует стремиться к бою (*militibus cupidinem pugnandi convenire*), полководцам же – служить делу предусмотрительностью, разумением, осторожностью, а не пылкостью

³ Здесь, правда, звучит характерно римский мотив противопоставления истинной военной доблести, проявляющейся прежде всего в открытом сражении, всякого рода уловкам и хитростям. С этой точки зрения вполне правомерен перевод данного пассажа М. М. Покровским: «Ариовист... одержал победу не столько храбростью, сколько хитрым расчетом». Об этом противопоставлении ср. *Caes. B. G. I. 13. 6; VII. 29. 2; Polyb. XIII. 3. 2 sqq.; Liv. XLII. 47. 5; Flor. I. 20. 7*. По мнению Э. Уиллера, неприязненно-подозрительное отношение римлян к использованию на войне хитрости появляется достаточно поздно (*Wheeler E. L. Sapiens and Strategems: The Neglected Meaning of a Cognomen // Historia. 1988. Bd 37. P. 193*). Иной точки зрения придерживается Дж. Лендон, подчеркивающий, что для римлян в противоположность грекам *virtus* всегда была первостепенным фактором победы (*London J. E. The Rhetoric of Combat: Greek Military Theory and Roman Culture in Julius Caesar's Battle Descriptions // ClAnt. 1999. Vol. 18. N 2. P. 309 ff.; 316*. Ср. также *Eisenhut W. Virtus Romana. Ihre Stellung im römischen Wertsystem. München, 1973. S. 40–43*). Так или иначе, в римских источниках очень мало прямых положительных оценок тех полководцев, которые в своих действиях отдавали предпочтение хитрости и обману (см., например: *Cic. De off. I. 30. 108; Dio Cass. LXXI. 3. 1*).

(duces providendo, consultando, cunctatione saepius quam temeritate prodesse), ибо сам он, внося вклад в победу как простой боец с оружием в руках, должен теперь проявить собственно полководческие качества – ум и знание (ut pro virili portione armis ac manu victoriam invenit ratione et consilio, propriis ducis artibus, profuturum) (Tac. Hist. III. 20. 3)⁴. Еще отчетливее и категоричнее (хотя и в более общем плане) это противопоставление формулируется в сентенции Аммиана Марцеллина (XXV. 4. 10): «От солдата требуется напряжение тела, от полководца – работа духа» (corporis munus a milite, ab imperatore vero animi poscitur) (что, однако, отнюдь не исключает, по мнению историка, необходимости, оправданности и даже, в определенных ситуациях, почетности личного участия и личной храбрости военачальника в бою⁵). По утверждению Либания (Ог. XVIII. 72), на войне пользу приносит рассудительность и от сильного разумением государя больше толку, чем от умеющего сражаться (μεγάλα πόλεμον ὑπὸ σοφίας ὠφελεῖσθαι καὶ μεῖζω γὰρ φέρειν ῥοπὴν βασιλέα βουλευέσθαι δυνάμενον ἢ μαχόμενον). Согласно же сентенции Публилия Сира (159), сама доблесть воинов основывается на разуме полководца (ducis in consilio posita est virtus militum).

Следует сказать, что и в античной военно-теоретической мысли полководческое искусство (то, что греки называли στρατηγικά) рассматривалось как определенный модус действий, в котором наряду с

⁴ О подобном же разделении обязанностей военачальника и солдат ср. речь Эмилия Павла у Тита Ливия в XLIV. 34. 2–4.

⁵ Ср. у того же Аммиана в XVI. 12. 18: per te virtutem et consilia militare sentimus («в твоём лице[, Цезарь,] мы видим и доблесть, и разум»). Ср. также Pan. Lat. XII. 10. P. 280 Baerens: in proelium primus ire, proelio postremus excedere, dux esse consilio, miles exemplo («первым вступать в битву, последним выходить из боя, являясь по [своей] проницательности полководцем, по [своему] примеру бойцом»; *Veget.* III. 26: virtute pariter ac dispositione mirabilis reipublicae tuae et imperatoris officium exhiberes et militis («...в равной мере по доблести и настроению ума ты [, император,] являешь для своего государства высокий пример долга как полководца, так и воина». Другие примеры и в целом о проблеме личного участия полководца в сражениях и воинских трудах подробно см.: *Махлаюк А. В.* Армия Римской империи. Очерки традиций и ментальности. Н. Новгород, 2000. С. 102–118; *он же.* Военные упражнения, воинская выучка и virtus полководца // ИИАО. 2003. Вып. 8. С. 61–74.

морально-волевыми качествами важная роль отводилась и достоинствам интеллектуального плана⁶.

Таким образом, из приведенных высказываний можно заключить, что мы имеем дело с достаточно распространенным общим местом. Об этом же могут свидетельствовать соответствующие предписания риторических наставлений, которые как раз и аккумулировали такого рода топоры. В частности, греческий автор III в. н. э. Менандр Ритор в сочинении об эпидейктических речах (Περὶ Ἐπιδεικτικῶν // Spengel L. *Rhetores Graeci*. Vol. III. P. 372–373), отмечая, что деяния властителя надлежит восхвалять, разделив их соответственно на те, что относятся к войне, и те, что относятся к миру, указывает, что в первую очередь надлежит говорить о делах доблести (τὰς τῆς ἀνδρείας πράξεις), ибо правителя характеризует прежде всего доблесть; при этом конкретные дела следует рассматривать в соответствии с четырьмя добродетелями, каковые суть: мужество, справедливость, благоразумие и рассудительность (ἀνδρεία, δικαιοσύνη, σωφροσύνη, φρόνησις⁷). В делах войны φρόνησις как раз и означает хорошее командование (τὸ στρατηγεῖν καλῶς), в частности, умение получить сведения о силах и засадах противника и скрыть от него свои собственные.

Для обозначения интеллектуальных качеств полководца (как и вообще государственного деятеля⁸) в латинских текстах используется достаточно широкий набор понятий: *consilium*, *ratio*, *ingenium*, *prudentia*, *providentia*, *diligentia*, *calliditas*, *sapientia*. Среди них (как уже отчасти видно из процитированных отрывков) наиболее употребительным и, пожалуй, ключевым является *consilium*. Это понятие, объединяющее в себе самые разные значения и смысловые оттенки («ум, рассудительность, благоразумие, разумение, понимание, знание», но также «план,

⁶ *Front. Strat. I. Prooem. 4: omnia, quae a duce provide, utiliter, magnifice, constanter fiunt, στρατηγικὰ habebuntur* («все, что совершается полководцем с предусмотрительностью, пользой, отвагой и твердостью, относится к *стратегическому искусству*»; *Veget. III. 11: peritiae usus, pugnandi doctrina consiliumque dominator* (во время сражения «более всего имеют значение использование полученного опыта, знание тактики и ум» полководца); ср. III. 9, а также *Polyb. III. 81; IX. 12–13; Onasand. I. 1–7; 2. 1–5*;

⁷ Ср. со стоическим канонem добродетелей: SVF. III. P. 262 sqq.

⁸ *Hellegouarc'h J. Le vocabulaire latin des relations et des partis politiques sous la république*. P., 1963. P. 255 suiv.

замысел, решение, совет, военная хитрость»⁹), часто выступает в разнообразных сочетаниях с другими категориями, фиксирующими те нормативные качества настоящего римского полководца, которые мыслились как залог успешных действий и побед. Анализ соответствующих контекстов и сочетаний помогает выявить специфическое понимание римлянами интеллектуальных качеств военного лидера.

Весьма информативными и показательными в этом плане являются тексты речей Цицерона, в которых при характеристике тех или иных военачальников обнаруживается примечательное сочетание расхожих риторических категоризаций и ораторских штампов, рассчитанных на аудиторию граждан или сенаторов, формулировок, использовавшихся в официальных сенатских постановлениях в честь победоносных полководцев, а также тех классификаций добродетелей, которые восходят к популярным философским системам¹⁰. Остановимся на некоторых из суждений великого оратора. В 5-й книге «Веррин», иронически рассуждая, к какому из существующих разрядов полководцев (*genera imperatorum*) можно отнести Верреса, Цицерон упоминает пятерых великих римских военачальников, которые наиболее ярко воплощают соответствующие полководческие типы и, можно сказать, стили командования, и указывает их отличительные качества. Они суть следующие: *sapientia* (ее воплощает Кв. Фабий Максим); стремительность в ведении дел (*in re gerenda celeritas*), присущая Сципиону Африканскому Старшему; исключительный ум (*singulare consilium*), отличавший Сципиона Младшего; рассудительность и знание военного дела (*ratio ac disciplina*¹¹), характерные для Эмилия Павла; и, наконец, могучая доблесть (*vis atque virtus*) Гая Мария (Cic. *Verr.* II. V. 25). Как мы видим, в трех из пяти примеров приоритет в оценке особенностей полководческого искусства отдается именно интеллектуальным качествам.

С наибольшей разносторонностью идеал настоящего полководца Цицерон сформулировал в другой своей известной речи – «*De imperio*

⁹ Lewis Ch. T., *Short Ch. A Latin Dictionary*. Oxf., 1958, s. v. *consilium*.

¹⁰ Combès R. *Imperator* (Recherches sur l'emploi et la signification du titre d'imperator dans la Rome républicaine). P., 1966. P. 238 suiv.; 308.

¹¹ Ф. Ф. Зелинский переводит это выражение как «теоретическая выдержка» (Цицерон, М. Туллий. Полное собрание речей в русском переводе (отчасти В. А. Алексеева, отчасти Ф. Ф. Зелинского) / Ред., введение и примечания Ф. Зелинского. В 2 т. Т. I (81–63 гг. до н. э.). СПб., 1901).

Cn. Pompei» («De lege Manilio»), подробно остановившись на комплексе virtutes imperatoriae¹². Следуя в своей классификации доблестей схемам, выработанным в греческой литературе¹³, он причисляет к этим качествам consilium in providendo наряду с выдержкой при трудностях, храбростью в опасностях, настойчивостью и быстротой действий (11. 29). При этом называет также и ряд других особых качеств, помогающих и сопутствующих этой полководческой доблести (artes eximiae huius administrae comitesque virtutis), среди которых упоминается и ум – ingenium (13. 36).

Consilium (ingenium) полководца как фактор, сопоставимый по своей значимости для достижения успеха с virtus, часто фигурирует с ней в неразрывном единстве во многих других высказываниях и оценках Цицерона¹⁴, как и у прочих римских авторов¹⁵. Можно сказать, что ум (рассудительность, благоразумие) полководца выступает как одна из граней целостного комплекса полководческих virtutes¹⁶. В таком качестве он присутствует и в официальном государственном дискурсе, как можно заключить, в частности, из XIV «Филиппики» Цицерона, в которой он предлагает сенату принять постановление, прославляющее Гирция, Пансу и Октавиана, сражавшихся против Антония в Мутинской войне.

Показательно, однако, что одной только virtus в сочетании с consilium и другими достоинствами военного лидера, согласно распространенно-

¹² См. наш анализ этого текста: *Махлаюк А. В.* Модель идеального полководца в речи Цицерона «О предоставлении империя Гн. Помпею» // *Акра. Сб. науч. трудов*. Н. Новгород, 2002. С. 96–109.

¹³ *Gruber J.* Cicero and das hellenistische Herrscherideal. Überlegungen zur Rede «De imperio Cn. Pompei» // *Wiener Studien*. 1988. N. F. Bd 101. S. 243–258.

¹⁴ Например: *De imp. Cn. Pomp.* 8. 20; *Pro Mur.* 15. 33 – о Лукулле; ср. *ibid.* 16. 34 – о Л. Мурене; *De imp. Cn. Pomp.* 20. 59 – о Кв. Катуле; *De domo sua.* 7. 16 – о Помпее; *Pro Font.* 18. 41; 17. 42; 19. 43 – о М. Фонтее; *ibid.* 24 – о М. Эмилии Скавре; *Veget.* II. V. 5 – о М. Крассе; ср. также: *Phil.* V. 15. 40; X. 11. 25; XIV. 5. 11; *Fam. X.* 19. 1 (fortissimi animi summique consilii).

¹⁵ Например: *Caes.* B. G. III. 5; *Liv.* IX. 17. 10; *Amm.* XVI. 12. 18 (цит. в Прим. 5); *Veget.* III. 26

¹⁶ В целом об этом комплексе см.: *Махлаюк А. В.* Римская «доблесть» и virtutes полководца // *Материалы IX чтений памяти проф. Н. П. Соколова: Тез. докл. межвуз. науч. конф.* Н. Новгород, 2004. С. 37–40.

му представлению¹⁷, выраженному Цицероном, недостаточно для достижения успеха: для этого необходимо также неперемненное наличие такого важнейшего, с точки зрения римлян, фактора, как полководческое счастье, удача, удачливость – *felicitas (fortuna)*¹⁸, которая понималась как особое благорасположение богов к военному лидеру и указания на которую в I в. до н. э. прочно вошли в римскую «идеологию победы»¹⁹. Поэтому оратор призывает сенаторов признать, что римский народ избавлен от позорного рабства «благодаря доблести этих троих императоров, их империю, их благоразумию, стойкости, величию духа и удачливости» (*Phil. XIV. 14. 37: virtute, imperio, consilio, gravitate, constantia, magnitudine animi, felicitate*²⁰). В речи «*De imperio Cn. Pompei*» (10. 28) Цицерон также подчеркивает, что в истинном полководце (*in summo imperatore*) должны сочетаться четыре качества: знание военного дела,

¹⁷ Ср. приведенное выше мнение Ливия о решающей роли в делах войны фортуны (IX. 17. 3: *fortuna per omnia humana maxime in res bellicas potens*).

¹⁸ По мнению Цицерона (высказанному, правда, в такой ситуации, когда требовалось до небес превознести исключительные заслуги и славу одного человека – Цезаря), некоторые наиболее выдающиеся деятели оказываются выше Судьбы-Фортуны, этой *regum humanarum domina* (*Cic. Pro Marc. 2. 7*). Здесь же Цицерон противопоставляет неосмотрительность мудрости, а *consilium* – случайности (*casus*). Иная точка зрения выражена в биографии Фрасибула у Корнелия Непота: по его утверждению, полководцы военную славу целиком разделяют со своими воинами и Фортуной, «поскольку в гуще боя дело решается не приказом начальника, а силой и храбростью бойцов (*abit res a consilio ad vires utrimque pugnantium*); поэтому у солдата есть правило полагаться не столько на вожда, сколько на судьбу, и по праву он может утверждать, что исход дела зависит больше от него, чем от мудрости командира» (*ducis prudentiam*) (*Неп. Phras. I. 4*. Пер. Н. Н. Трухиной).

¹⁹ Подробно см.: *Combès R. Op. cit. P. 212 suiv.; 424 suiv.*

²⁰ См. также: *Phil. XIV. 5. 11* и *10. 28*, где отмечены три фактора: *virtus, consilium, felicitas*. Ср. *Cic. Pro Font. 43*, где Цицерон характеризует Фонтеев как *virum ad labores belli impigrum, ad pericula fortem, ad usum ac disciplinam peritum, ad consilia prudentem, ad casum fortunamque felicem* («мужа усердного в военных трудах, храброго в опасностях, сведущего в науке и практике военного дела, проницательного в решениях, удачливого в поворотах судьбы»).

доблесть, авторитет, удачливость (*scientiam rei militaris, virtutem, auctoritatem, felicitatem*)²¹.

Если в этой речи Цицерона *scientia* и *consilium* отделяются друг от друга, то в цитированном выше отрывке из В. Афр. 10. 4 они упомянуты вместе, в одной связке²², что, как представляется, позволяет если не отождествить эти понятия, то, по меньшей мере, сблизить их как выражающие единый, так сказать, «интеллектуальный» компонент в том целостном комплексе качеств, которым должен обладать полководец для достижения победы²³, наряду с компонентами морально-психологическими и «харизматическими». Такого рода представление, надо сказать, сохраняется в римской традиции до самых поздних времен и получает эксплицитное выражение, в частности, в «Латинских Панегириках», прославляющих деяния позднеримских императоров. Так, триединство *virtus, prudentia* и *felicitas* подчеркивается в одном из панегириков в честь императора Константина (Pan. Lat. X. 19. P. 228 Baerens), а в речи, прославляющей Феодосия, о том, что стало решающим фактором его побед, олицетворенные доблести (*Constantia, Patientia, Prudentia, Fortitudo*) ведут спор с Фортуной (Pan. Lat. XII. 40. P. 307–308 Baerens).

Как и в текстах республиканского времени²⁴, в этих примерах понятие *prudentia* непосредственно выступает как синоним к *consilium*, сблизается с ним. Так же как и *consilium* – и, вероятно, даже в еще большей степени, – *prudentia* в контексте описания деятельности военачальника означает не просто «ум», «рассудительность», «понимание», но указывает на способность предвидеть, предвосхищать ход событий

²¹ Аналогичный набор качеств фигурирует и у Плутарха в жизнеописании Лукулла, где указывается, что Лукуллу не хватало природного дара и удачи в отношениях с воинами (это, по-видимому, то, что у Цицерона характеризуется понятиями *auctoritas* и *comitas*), хотя он обладал и отвагой, и осмотрительностью, и умом, и справедливостью (*Plut. Lucul. 36*).

²² О содержании понятия *scientia rei militaris* подробно см. нашу статью: Махлаюк А. В. *Scientia rei militaris* (К вопросу о «профессионализме» высших военачальников римской армии) // Вестник ННГУ. Сер. История. 2002. Вып. 1. С. 13–31.

²³ Об ассоциации ума полководца с конкретными познаниями в военном деле ср., например: *Tac. Hist. III. 56. 2; Liv. IX. 17. 15; XLIV. 22. 11–12; Liban. Or. XVIII. 72*.

²⁴ *Combès R. Op. cit. P. 310*.

(ср. упоминание *consilium in providendo* в «De imp. Cn. Pomp.» 11. 29), т. е. имеет значение «проницательность», «прозорливость»²⁵, что близко к такому современному понятию, как «интуиция», которая в специальной литературе нашего времени рассматривается как один из наиболее характерных и значимых признаков «ума полководца»²⁶. В качестве, пожалуй, наиболее показательного в этом плане текста можно привести отрывок из рассуждений Цицерона в трактате «Об обязанностях» (I. 23. 80–81), где он пишет, что войну надо начинать так, чтобы казалось, что мы не ищем ничего другого, кроме мира, и указывает, что свойство храброго и стойкого духа состоит в том, чтобы не приходить в смущение при трудностях и, в смятении, не давать себя сбить с позиции, но проявить присутствие духа и осмотрительность и не лишиться рассудка (*praesenti animo uti et consilio nec a ratione discedere*); и далее: «Впрочем, это относится к духу (*animi*), но вот что относится также и к великому уму (*ingenii magni est*): размышляя, предвидеть будущее (*praecipere cogitatione futuri*), заблаговременно определять, что может случиться хорошего и дурного и что понадобится делать, когда что-нибудь произойдет, и не доводить до того, чтобы когда-либо пришлось сказать “об этом я не подумал” (*non putaram*)» (пер. В. О. Горенштейна). Это «*non putaram*», по свидетельству Валерия Максима, Сципион Африканский считал особенно позорным для полководца²⁷.

²⁵ В общем смысле этот момент четко фиксирует Цицерон, указывая на этимологическую связь понятий *prudentia* и *providentia*: *quae virtus ex providendo est appellata prudentia* (De leg. I. 60). Ср. Rhet. ad Her. III. 3. 2: *Prudentia est calliditas, quae ratione quadam potest delectum habere bonorum et malorum. Dicitur item prudentia scientia cuiusdam artificii. Et appellatur prudentia rerum multarum memoria et usus complurium negotiorum* («Проницательность – это умение, дающее возможность в соответствии с неким разумным основанием делать выбор между благом и злом. Проницательностью называют также знание какого-либо искусства. Кроме того, проницательностью именуется память о многих вещах и опытность в многочисленных видах деятельности»).

²⁶ Теплов Б. М. Указ. соч. С. 156 сл. См. также: Клаузевиц К. О войне / Пер. с нем. Т. И. М., 1941. С. 458.

²⁷ Val. Max. VII. 2. 2: *Scipio vero Africanus turpe esse aiebat in re militari dicere “non putaram”, videlicet quia explorato et excusso consilio quae ferro aguntur administrari oportere arbitrabatur. summa ratione: inemendabilis est enim error, qui violentiae Martis committitur. idem negabat aliter cum hoste confiligi debere,*

В качестве синонимичных понятий *consilium* и *prudentia* – в значении интуиции и предвидения – могут использоваться как для характеристики действий военачальника в конкретных ситуациях военной повседневности и его тактического искусства (в том, что касается, к примеру, выбора месторасположения лагеря, маршрутов передвижения войска, организации снабжения армии, распределения и расстановки сил в сражении, предвидение различных вариантов его исхода²⁸), так и для указания на его общестратегические, военно-политические и дипломатические способности (например, связанные с умением выбирать и привлекать союзников, внушать страх и уважение врагам²⁹). Истинная

quam aut si occasio obvenisset aut necessitas incidisset. aequè prudenter: nam et prospere gerendae rei facultatem omittere maxima dementia est et in angustias utique pugnandi compulsum abstinere se proelio pestiferae ignaviae adfert exitum, eorumque, qui ista committunt, alter beneficio fortunae uti, alter iniuriae nescit resistere («Сципион же Африканский говорил, что позорно в военном деле заявлять “я не подумал”, потому, очевидно, что, по его мнению, в боевых предприятиях надлежит руководствоваться выверенным и обдуманым расчетом. [Ведь] по большому счету неисправима та ошибка, которая допускается в пылу сражения. Он также утверждал, что следует вступать в сражение с врагом не иначе, как если представится удобный случай или принудит [крайняя] нужда. Равным образом правильно [считал он], что величайшее безумие – упустить возможность для успешного предприятия, в особенности же пагубно отказываться от битвы, загнав [врага] в неудобные для сражения места; из тех, кто допускает такого рода ошибки, одни не умеют пользоваться благодеяниями судьбы, а другие – противостоять [ее] ударам»). Ср. свидетельства об аналогичном высказывании афинского полководца Ификрата: *Plut. Apophth. reg. et imp.* 44. 2; *Polyaen.* III. 9. 17.

²⁸ *B. Afr.* 42. 2; *Liv.* IX. 17. 14–15; *Vell. Pat.* II. 111. 4; *Suet. Tib.* 18. 1; *Veget.* III. 9; 25; *Pan. Lat.* X. 11. P. 222; 24. P. 230; 28. P. 234 Baerens.

²⁹ См., например: *Pan. Lat.* VII. 6. P. 164 Baerens; *Eunap. Hist. Frg.* 22. В этом плане примечательна та характеристика, которую Дион Кассий дает видному военачальнику времен Марка Аврелия, двукратному консулу П. Марциу Веру. По словам Диона (LXXI. 3. 1¹), он умел не только побеждать врагов силой оружия, упреждать их своей стремительностью и превосходить хитростью, которая составляет главное достоинство полководца (ἀπατῆ κατασφίσασθαι, ἥπερ ἐστὶ στρατηγῶν ἀλκή), но также внушать им доверие своими обещаниями и щедрыми дарами,

полководческая доблесть нередко прямо противопоставляется бездумной отваге и ассоциируется с предусмотрительностью военачальника, обдуманностью его действий³⁰. Вместе с тем, во многих текстах очень часто рассудительность полководца предстает в неразрывном единстве с доблестями морально-психологического и, так сказать, психофизического плана, такими, как самообладание (присутствие духа), *animus* (Cic. Att. VII. 21. 1; Fam. X. 15. 4; XV. 1. 6; Liv. IX. 17. 10); усердие и внимательность, *industria*, *diligentia* (Cic. Fam. XII. 19. 1; B. Alex. 42. 2); бдительность, *vigilantia* (Suet. Tib. 21. 5; Veget. III. 9)³¹.

прельщать радужными надеждами; он обладал таким обаянием в речах и поведении, которое в любом человеке могло умирить раздражение и гнев; знал он, когда нужно действовать лестью, дарами и обходительностью на пиру, но при этом был энергичен и быстр в своих действиях против неприятеля. Отметим в этом пассаже и акцентирование такого качества, как хитрость. Как на важное полководческое достоинство на нее указывает и Цицерон: в трактате «Об обязанностях» он соответствующим образом характеризует Ганнибала и Фабия Максима, употребляя эпитет *callidus* и подчеркивая, что они умели скрывать, молчать, притворяться, строить козни, предвосхищать намерения врага (*facile celare, tacere, dissimulare, insidiari, praeripere hostium consilia*). Ср. *Polyb.* IX. 13. 2–5. *Calliditas* вообще могла рассматриваться и как составная часть мудрости (*Rhet. ad Her.* III. 2. 3).

³⁰ *Polyb.* III. 81. 1–10; *Cic. De off.* I. 23. 81; *Vell. Pat.* II. 115. 5; *Onasand.* 33. Ср. особенно *Ios. B. Iud.* V. 7. 3: Тит «всегда называл неосмотрительную отвагу безумием и видел доблесть только в таких действиях, которые совершались обдуманно и не влекли за собой потерь» (пер. М. Финкельберг и А. Вдовиченко) (μόνην δ' ἀρετὴν τὴν μετὰ προνοίας καὶ τοῦ μὴδὲν τὸν δρῶντα παθεῖν, ἐν ἀκινδύνῳ τῷ κατὰ σφᾶς ἐκέλευσε ἀνδρίζεσθαι).

³¹ См. также *Fronto. Ad amic.* I. 6. P. 175 van den Hout: по словам Фронтонa, трибун Юний Максим неизменно с похвалой отзывался «о трудах и решениях, усердии и бдительности» своего командующего Авидия Кассия (*de laboribus et consiliis... et industria et vigilantia*). Можно также вспомнить характеристику, данную Саллюстием консулу 111 г. до н.э. Л. Кальпурнию Бестии, в которой в неразрывном единстве объединены моральные, физические и интеллектуальные качества, необходимые полководцу, – *Sall. B. Iug.* 28. 6: «...консул отличался многими замечательными свойствами души и тела: был вынослив в трудах, обладал острым умом, был достаточно предусмотрителен, хорошо знал военное дело, очень

Важно также подчеркнуть, что интеллектуальные качества полководца, и прежде всего *consilium* (как и сама *virtus* в целом, которая, как отмечается исследователями, в отличие от греческой ἀρετή, отличалась практическим, активным характером³²), имеют отнюдь не отвлеченно-теоретическое, но прагматическое значение, будучи самым непосредственным образом связаны с деятельностью и опытом³³. То же самое, по нашему мнению, можно сказать и о таком компоненте полководческого искусства, как знание военной науки, теоретические аспекты которой сравнительно мало интересовали практичных римлян³⁴. Очевидно, что в этом важнейшем для римлян искусстве дело обстояло так же, как и в другой, не менее значимой для них сфере деятельности – в области политического красноречия, где, по убеждению Цицерона, дарование и усердие (*ingenium et diligentia*) были гораздо важнее науки (*ars*) (*De orat.* II. 35. 150).

Таким образом, заключая наш очерк, можно констатировать, что для описания интеллектуальных достоинств полководца используется традиционный набор лексем из римского политического словаря, кото-

твердо противостоял опасностям и козням» (пер. В. О. Горенштейна) (*in consule nostro multae bonaeque artes <et> animi et corporis erant... patiens laborum, acri ingenio, satis providens, belli haud ignarus, firmissimus contra pericula et invidias*). Правда, по утверждению Саллюстия, алчность, при-
сущая этому консулу, сводила на нет все эти его достоинства.

³² Этот момент эксплицитно выражен, например, Цицероном в *De off.* I. 19: *virtutis enim laus omnis in actione constitit*; и в *De re publ.* I. 2: *virtus in usu sui tota posita est*. См. подробнее: *Combès R.* Op. cit. P. 213; *Picard G.* -Ch. *Les trophées romains*. P., 1957. P. 169. Очень удачное в этом плане определение римской «доблести» дает М. фон Альбрехт, который называет ее «моральной энергией, актуализируемой в конкретных действиях» (*Альбрехт М., фон.* История римской литературы от Андроника до Бозция и ее влияния на позднейшие эпохи / Пер. с нем. А. И. Любжина. Т. I. М., 2002. С. 412).

³³ Ср. общее определение *consilium* у Цицерона в *De invent.* I. 25. 36: *consilium est aliquid faciendi aut non faciendi excogitata ratio* («рассудительность – это хорошо обоснованный расчет относительно совершения или несовершения какого-либо действия»).

³⁴ *Махлаюк А. В.* *Scientia rei militaris...* С. 24. Ср. *Campbell B.* *Teach Yourself How to Be a General* // *JRS.* 1987. Vol. 77. P. 13–29.

рый, по меньшей мере начиная с Цицерона, обогащается смысловым наполнением, почерпнутым из философского дискурса; вместе с тем интеллект военного лидера неразрывно связывается с специальными военными познаниями, но на первый план выдвигаются морально-волевые качества и, главное, та исконная римская доблесть, которая заключает в себе синкретический идеал истинного римского мужа, одинаково способного действовать и на военном, и на гражданском поприще. Такова общая установка, характерная для античного мира в целом, который, по большому счету, не знал узкой профессиональной специализации среди правящей элиты³⁵.

INTELLECTUAL QUALITIES OF A GENERAL IN THE ROMAN IDEOLOGY OF MILITARY LEADERSHIP

A. V. Makhlayuk

The article deals with the complex of concepts and ideas characterizing the Roman attitudes to the role of intellectual factors in the activity of a military leader. Analyzing ancient evidence the author goes to conclusion that such general's qualities as mind, judgement, prudence, rationality (*consilium, ingenium, ratio, prudentia, providentia, sapientia*) were appreciated by Romans as paramount ones side by side with military virtue and good fortune of commander. The notion of the general's mind also included comprehension of military science, but an intellect of a military leader was interpreted mainly in moral sense representing one of traditional Roman *virtutes*.

³⁵ С этой точки зрения любопытное высказывание находим мы у такого христианского автора, как Климент Александрийский, который в «Строматах» (I. 160) отмечает, что полководческое искусство (τὸ στρατηγικόν) складывается из трех частей – осмотрительности, храбрости и их соединения; каждое из этих качеств, в свою очередь, слагается из слова, дела и их сочетания. По мнению христианского писателя, склонного все значимые идеи выводить из Библии, эти принципы управления элиты позаимствовали у Моисея и извлекли отсюда большие выгоды.